

Кряж И. В. Категория установки в объяснении смысловой регуляции жизнедеятельности личности / Кряж И. В. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: «Психологія». – 2011. – № 981. – Вип. 47. – С.113-119.

УДК 159.9

КАТЕГОРИЯ УСТАНОВКИ В ОБЪЯСНЕНИИ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Кряж И. В.

Аннотация. Теоретический анализ показывает, что вопрос о роли установки в регуляции поведения решается в зависимости от понимания онтологического статуса установки. При изучении смысловой динамики категория установки выступает в качестве формы, в которой субъективный смысл репрезентируется исследователю. На примере отношения к проблеме глобальных экологических изменений исследуется динамическая организация устойчивых компонентов смысловой сферы личности, включенных в смысловую регуляцию жизнедеятельности.

Ключевые слова. Установка, динамическая смысловая система, смысловой паттерн, смысловая регуляция, моделирование структурными уравнениями.

Предметом данной статьи является динамическая организация устойчивых компонентов смысловой сферы личности, включенных в смысловую регуляцию экологически релевантных аспектов жизнедеятельности. Говоря об устойчивых компонентах, мы хотим подчеркнуть роль установочных образований или собственно установки в процессах смысловой регуляции, обращаясь при этом к теории установки Д. Н. Узнадзе.

Содержание понятия «установка», как отмечает А. Г. Асмолов, очень сильно варьирует и связывается с различными теориями и близкими терминами: моторная установка, сенсорная установка, установка сознания, диспозиция, детерминирующая тенденция, целевая установка, квазипотребность, информационная модель, вероятностное прогнозирование, антиципация, схема, валентность, вектор, ригидность, доминанта, акцептор действия, социальная установка (аттитюд), ценностная ориентация, черта и т.д. [2]. В работах Д. Н. Узнадзе под установкой понимается модификация *активного субъекта как целого*, это то понятие, которое раскрывает взаимосвязь субъекта и актуальной ситуации, в которой он реша-

ет свои задачи. Установка в теории Д. Н. Узнадзе – это центральное понятие для психологического анализа субъекта и субъектной активности: «Если основная психологическая сущность субъекта открывается нам в каждом отдельном случае его активности в определенных модификациях его установки, то это значит, что основная, определяющая проблема его психологии – это проблема установки» [15]. Представляя собой «момент динамической определенности» психической жизни [14, 25], установка выражает целостную направленность сознания на определенную активность.

Вопрос о смысловой регуляции поведения в теории Д. Н. Узнадзе, как нам представляется, снимался за счет понятия первичной установки, «которая, не являясь ни физическим, ни психическим, устанавливает между ними связь и обеспечивает биологическое приспособление и психическую деятельность» (А.Т. Бочоршвили, цит. по: [11, 118]). Поскольку в установке выражается соответствие между потребностью субъекта и наличной ситуацией, именно установка объясняет *целесообразность* и *смысл* поведения [14, 262]. Категория установки при этом выносится за пределы сферы психического, т.е. установка наделяется особым онтологическим статусом и рассматривается в качестве первичной, нерасчлененной целостности [там же, 116]. По оценке Н. И. Сарджвеладзе, «эту парадигму следует определить как парадигму диалектического единства противоположностей внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, психологического и физиологического. Такая парадигма единства прослеживается также в связи с временными характеристиками установки, а именно в том пункте, в котором она определяется как актуальное («здесь и сейчас») состояние, включающее в себя как прошлый опыт, так и антиципацию будущего («опережающее отражение»); эта же парадигма налицо и при определении сущности психического развития как процесса дифференциации изначально диффузного целого» [там же, 118].

Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что необходимо различать установку и собственно конкретное содержание (состояние) сознания. «Установка сама, конечно, не представляет собой ничего из этого содержания, и понятно, что характеризовать ее в терминах явлений сознания не представляется возможным. Но допустим, что мы зафиксировали достаточно прочно какую-нибудь из наших установок. В этом случае она будет представлена в сознании всегда каким-либо определенным содержанием, возникающим на базе этой установки. Если актуализировать эту последнюю повторно, то мы будем замечать, что каждый

раз у нас возникает в сознании все то же содержание... Одна и та же фиксированная установка может лежать в основе одинакового переживания ряда различных, но близко стоящих друг от друга объективных содержаний. Установка в этом случае обуславливает *идентификацию* в переживаниях ряда сравнительно незначительно различных ситуаций» [14, 33-34]. Иначе говоря, *фиксированная установка* обуславливает смысловую общность различных ситуаций. Рассматривая установку как психологический феномен, можно сказать, что именно установка раскрывает смысловой контекст поведения, являясь механизмом его смысловой регуляции, а фиксированная установка является формой фиксации смысла. Тогда смысл, в свою очередь, может быть определен как содержание установки. Однако в работах Д. Н. Узнадзе само понятие смысла / смысловой регуляции оказывается избыточным, поглощаясь категорией установки.

Собственно смысловое содержание установки получило освещение в работе А. В. Запорожца, где, в частности, ставится вопрос о том, *какого рода опыт конденсируется* в установке [5, 222]. А. В. Запорожец пишет: «Предметы человеческой деятельности должны рассматриваться психологией в двоякого рода отношениях: в отношениях к другим объектам и в отношении к субъекту, к его жизненным потребностям и интересам. Второй род отношений, личностно-смысловых, и отражается в форме установки в отличие от предметно-технических отношений, получающих отражение в форме навыков, а также различных знаний о предметах» [там же].

Субъективно-смысловое содержание установки обнаруживается не только в сложных действиях, раскрывающих отношение субъекта к объекту, но и в классических лабораторных экспериментах по выработке фиксированной установки: «мы склонны утверждать, что и те установки, которые обычно вырабатываются в лабораторных экспериментах, есть если не личностные..., то, по крайней мере, субъектные образования. В них, наряду с объективно-предметными отношениями вещей и, так сказать, маскируясь ими, отражается и отношение к вещам субъекта, тот смысл, который эти вещи для него имеют» [5, 224-225].

Наряду с вопросом о смысловом содержании установки А. В. Запорожец сформулировал проблему системной организации установок, указывая, что даже выполнение простых поведенческих актов обусловлено участием не одной, а как минимум пары противоположных установок, «одна из которых находится в ак-

тивном состоянии, другая же хотя и заторможена, но, во-первых, и в заторможенном состоянии влияет на процесс..., а во-вторых, готова ...при каждом подходящем случае прийти в деятельное состояние и подавить ранее действующую противоположную установку» [там же, 225]. Еще более, заключает А. В. Запорожец, выражена роль установок, как системы смысловых противоположностей, взаимодополнений и соподчинений, в регуляции тех сложных видов активности, в которых реализуются основные отношения личности к окружающему миру.

Сравнивая содержание понятия «установка» в работах Д. Н. Узнадзе и А. В. Запорожца, можно отметить, что если Д. Н. Узнадзе делал акцент на состоянии *готовности* субъекта действовать в актуальной ситуации определенным образом (готовности, определяемой *отношением между* ситуацией и потребностями субъекта), то А. В. Запорожец на первый план выводил *субъективное отношение к* предметной ситуации, определяемое потребностями субъекта и проявляющееся в форме *готовности* к определенному типу активности. Соответственно, понятие смысл в работах Д. Н. Узнадзе используется редко и в значении осознанности либо обоснованности выполняемого поведения, в то время как А. В. Запорожец рассматривает смысл как «субъективное значение вещей, а вместе с тем и производимых по отношению к ним соответствующих действий» [5, 218].

Проблема смысла и смысловой регуляции жизнедеятельности была обозначена в отечественной психологии работами Л. С. Выготского, прежде всего, в форме положения о динамической смысловой системе, представляющей собой «единство *аффективных и интеллектуальных процессов*» и рассматриваемой в качестве единицы анализа психической жизни [4, 22]. «Анализ, расчленяющий целое на единицы... показывает, что во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее. Он позволяет раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [там же]. Отметим два момента, в силу которых понятие динамической смысловой системы, введенное Л. С. Выготским, может быть сопоставлено понятию установ-

ки – это момент зафиксированного отношения к действительности и момент движения от потребности через динамику мысли к динамике поведения.

Важным шагом в развитии представлений о смысловой сфере личности стала разработка А. Н. Леонтьевым понятия личностного смысла как единицы сознания [7]. Как отмечалось выше, А. В. Запорожец показал, что личностно-смысловые отношения получают выражение в форме установки [5]. Позже В. А. Ядов писал о сходстве понятия личностного смысла в работах А. Н. Леонтьева с такими понятиями, как "отношение", "ценность", "социальная фиксированная установка", "диспозиция" [10].

С конца 1970-х гг. быстро растет число работ, обращенных к смысловой сфере личности, специфике ее строения и функционирования [1; 2; 3; 12; 16; 8 и др.]. Импульсом к активизации исследований в этом направлении послужило создание в 1977 году на факультете психологии МГУ научно-исследовательской группы по исследованию личности [8, 92], обратившейся к смысловым образованиям личности, под которыми понимались «порожденные развитием деятельности субъекта психические образования, в которых в специфической форме отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру» (цит. по: [8, 93]).

Среди смысловых образований (наряду со смыслообразующим мотивом и личностным смыслом) предлагалось рассматривать смысловую установку как «форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности» [2, 63]. Одновременно в рамках психосемантического направления исследования смысловой сферы личности было введено понятие категориальной установки как опосредующего звена между субъективными значениями и осуществляемой субъектом категориальной активности [16]. Категориальные установки (КУ) отвечают за быструю и точную категоризацию ситуации, обеспечивая «эффект избирательной актуализации потенциальных семантических признаков значения» [там же, 34]. «Актуализация определенной КУ означает готовность к осуществлению определенной категориальной активности. Если значение – единица анализа статичности репрезентативных систем, то КУ – единица анализа динамики этих систем» [там же, 44]. Если смысловая установка рассматривается как ведущий уровень «психологического механизма ста-

билизации деятельности» (более высокий, чем уровень целевой установки и уровень операциональной установки) [2], то понятие категориальной установки объединяет установки сразу трех уровней регуляции – оперативного, тактического и стратегического, из которых к собственно смысловым КУ относятся установки мотивационного происхождения и стратегического уровня [16, 43].

Различение смысловой установки как готовности к поведенческой активности, выражающей личностные смыслы во внешнем плане, и категориальной смысловой установки как готовности к внутренней активности по выделению в потоке событий содержания, релевантного личностным смыслам, обуславливало вопрос о разнородных «смысловых готовностях». Такой вопрос может быть сформулирован двояко: как вопрос о структурной организации и, соответственно, структурных *элементах* смысловой сферы и как вопрос о системной организации и, соответственно, *единицах* смысловой сферы в целом (в русле идеи Л. С. Выготского). В связи с этим Д. А. Леонтьев предложил различать *смысловые структуры* и *смысловые системы*: «Понятие смысловых структур выступает как обобщающее родовое понятие для ...специфических элементов структурной организации смысловой сферы личности; понятие смысловых систем относится к особым образом организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур» [8, 126].

В качестве смысловых структур, различающихся по структурным и функциональным характеристикам и образующих иерархию, Д. А. Леонтьев рассматривает личностный смысл, смысловую установку, смысловую диспозицию, смысловой конструкт, мотив и личностную ценность [там же, 127]. Все смысловые структуры тесно связаны между собой, представляя собой «превращенные формы» основных *жизненных смыслов* личности. Личностный смысл, смысловая установка и мотив функционируют «в пределах конкретной отдельно взятой деятельности», в то время как смысловой конструкт, смысловая диспозиция и личностная ценность являются устойчивыми трансситуативными структурами. Согласно Д. А. Леонтьеву, ценности образуют высший уровень регуляции, выполняя функцию смыслообразования по отношению к остальным структурам, из которых, в свою очередь, мотивы, смысловые конструкты и диспозиции «образуют второй иерархический уровень

смысловой регуляции», порождая личностные смыслы и смысловые установки [там же, 129]. Проводя параллель с теорией установки Д. Н. Узнадзе, Д. А. Леонтьев уточняет: «первичной и фиксированной установке в нашей модели соответствуют различные виды смысловых структур: смысловая установка актуальной деятельности и смысловая диспозиция» [там же, 183].

Не останавливаясь здесь на специфических характеристиках перечисленных *смысловых структур*, отметим, что каждая из них выполняет установочную функцию, определяя готовность субъекта к тому или иному способу осмысления ситуации. Для описания согласованного взаимодействия таких установочных смысловых компонентов Д. А. Леонтьев обращается к понятию динамической смысловой системы (ДСС), определяя последнюю как «относительно устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующую как единое целое» [там же, 235]. Личность характеризуется многообразием ДСС, при этом каждая из ДСС обеспечивает «специфическую группировку, кластеризацию мотивов, установок, ценностей». Как целостная смысловая единица, регулирующая определенную сферу жизнедеятельности и являющаяся результатом системного взаимодействия значительного числа соответствующих смысловых компонентов, ДСС придает устойчивость отношениям субъекта с миром и, вместе с тем, обеспечивает необходимую степень поведенческой гибкости в изменяющемся окружении.

Предметом нашего эмпирического исследования стала системная организация смысловых диспозиций, специфичных для изучаемой сферы жизнедеятельности, а именно – смысловых диспозиций, выраженных в форме основных параметров отношения субъекта к проблеме глобальных экологических изменений.

Наше исследование было выполнено в русле психологии экосохранения, для которой одним из базовых является понятие экологической озабоченности (environmental concern). Под последней понимается *отношение* субъекта к экологическим проблемам, определяющее готовность внести свой вклад в их ре-

шение [17, 485]. Экологическую озабоченность (ЭО) можно охарактеризовать как установочное образование (аттитюд, диспозиция, глубинное отношение), возникающее в контексте экологических изменений и проявляющееся в переживании и осмыслении экологических параметров жизненной ситуации как жизненно значимых.

Для исследования смысловых диспозиций, отражающих отношение субъекта к глобальным экологическим проблемам, нами был разработан опросник из 44 утверждений (ЭкО-44), объединяемых в 7 шкал: •«Экологическая интернальность» (выражает смыслы человеческой ответственности за разрушение природного мира ради наращивания потребления), •«Отрицание» (отрицание значимости экологических проблем), •«Личная актуальность» (ощущение экологических проблем в своей жизни), •«Биосферное беспокойство» (выражение биоцентризма и экологического эгалитаризма в оценке последствий экологических проблем), •«Технологии» (технологический оптимизм – экологические проблемы могут быть успешно решены за счет новых технологий), •«Деньги» (приоритет финансово-экономических проблем над экологическими), •«Экологическое возмездие» (осмысление глобальных экологических изменений как возмездия за человеческий – видовой – эгоизм, за пренебрежение экологическими законами) [6]. В исследовании приняли участие 501 человек в возрасте от 17 до 63 лет (331 женщина и 170 мужчин). Из них 487 человек заполняли также модифицированный вариант опросника Ш. Шварца, на основе которого рассчитывались показатели шести мотивационных типов ценностей: универсализм, власть, безопасность, самостоятельность, стимуляция, конформность, а также учитывалась отдельная ценность «экологическая безопасность». При обработке данных были применены статистика таблиц сопряженности, методы кластерного, дисперсионного, корреляционного анализа, а также методы моделирования структурными уравнениями (путевой анализ) на основе программного пакета Statistica 7.

В качестве основных индикаторов различий в понимании экологических проблем и в способах осмысления экологической ситуации нами были выбраны шкалы

«биосферное беспокойство» и «деньги». По этим двум параметрам был проведен кластерный анализ данных. После анализа дендрограммы (метод невзвешенного попарного среднего) были выделены методом К-средних пять кластеров, из которых в рамках данной статьи мы рассмотрим два: кластер «Б» с самыми высокими по выборке показателями биосферного беспокойства и самыми низкими значениями по шкале «Деньги» (162 человека), кластер «Д» – самые высокие показатели по шкале «Деньги» и относительно низкое биосферное беспокойство (62 человека). Как показал анализ таблиц сопряженности, эти два кластера различались по половозрастному составу. Кластер «Б» на 3/4 был образован женщинами, в то время как в кластере «Д» мужчины и женщины встречались одинаково часто (различия значимы при $p < .01$ по критерию χ^2 Пирсона). Также в кластере «Д» процент старших респондентов был выше, чем в «биоцентрическом» кластере и по выборке в целом ($p < .05$). Отметим, что из 25-х активистов ДОП (дружины охраны природы), работавших с методикой, 18 оказались в кластере «Б». Таким образом, выраженная ориентация на финансово-экономические проблемы в сочетании с антропоцентрическим пренебрежением экологической ситуацией более характерна для работающих взрослых, в первую очередь мужчин, в то время как беспокойство о других живых существах в сочетании с экологическими приоритетами более типично для студентов, преимущественно – девушек. Можно сказать, что отношение к глобальным экологическим проблемам обусловлено финансово-экономической стороной жизни, которая, будучи прямо связана с доступом к жизненным ресурсам, закрепляет отношение к деньгам как к непосредственному универсальному ресурсу, что ведет к игнорированию значения экосистемы как первоисточника жизнеобеспечения.

Дисперсионный анализ показал, что в группе «Б» значимо ниже, чем в группе «Д» показатели отрицания экологических проблем и технологического оптимизма, значимо выше – показатели экологической интернальности, личной актуальности экологических проблем (во всех случаях $p < .0001$) и экологического возмездия ($p < .01$). Также были выявлены различия в личностных ценностях: в группе «Б» более высоко, чем в группе «Д» оцениваются универсализм ($p < .01$) и экологическая безопасность ($p < .01$) и значимо ниже – ценности власти

($p < .0001$). Выявленные межгрупповые различия в целом подтверждают ключевое значение двух смысловых диспозиций – биосферного беспокойства и «денежной» озабоченности – в общей оценке экологической ситуации. Однако каков характер связи этих диспозиций с другими смысловыми образованиями, различается ли он в двух анализируемых группах?

Для ответа на этот вопрос мы обратились к методам путевого анализа. С учетом результатов дисперсионного анализа и на основе корреляционного анализа данных, проведенного отдельно по двум кластерам, были разработаны структурные модели для описания взаимосвязей смысловых диспозиций в рамках каждого кластера. При оценке адекватности и подгонке исходных моделей использовались индексы подгонки, предлагаемые программным модулем SEPATN. Использовался метод асимптотически свободного от распределения оценивания, не требующий многомерной нормальности данных. Схематическое изображение итоговых моделей представлено на рис.1-2 (на рисунках не отражены вариации и остаточные члены, поэтому они не являются в строгом смысле диаграммами путей), там же приводятся основные показатели пригодности модели: критерий согласия χ^2 ($p > .05$ означает, что нулевая гипотеза не может быть отброшена), отношение χ^2 к числу степеней свободы df (не должно превышать 2), индекс Джорескога GFI (указывает на хорошее соответствие при значениях более .95), квадратичная усредненная ошибка аппроксимации RMSEA (для принятия нулевой гипотезы не должна превышать .05) [9].

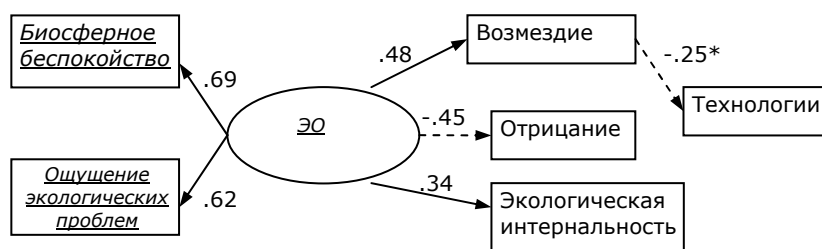

Рисунок 1. Модель осмысления глобальных экологических изменений в группе «Б» (связи значимы при $p < .001$, кроме * - $p < .01$). $\chi^2/df=6,5/8$; $p=.59$; RMSEA 0; GFI .99.

Модель для кластера «Б» включает независимый латентный фактор (овал на рис.1) с двумя явными переменными: биосферным беспокойством и личной актуальностью экологических проблем, который оказывает влияние на выра-

женность трех смысловых диспозиций, усиливая экологическую интернальность и смыслы экологического возмездия и ослабляя отрицание экологических проблем. Содержательно такой латентный фактор может быть охарактеризован как экологическая озабоченность (ЭО). Фактор ЭО не связан прямо с технологическим оптимизмом, но может оказывать подавляющее влияние на эту смысловую диспозицию, усиливая смыслы экологического возмездия. Предложенная модель не включает диспозицию «Деньги», которая не имеет значимых корреляций с другими шкалами. В остальном можно говорить об общем для данной группы смысловом паттерне, упорядочивающем отношение к отдельным аспектам экологической проблематики в единую смысловую систему. Правомерно рассматривать систему ЭО как самостоятельную функциональную единицу, действующую наравне с ценностной системой. Последнее утверждение базируется на нескольких фактах: во-первых, несмотря на значимые корреляции отдельных диспозиций с мотивационными типами ценностей, включение ценностей в диаграмму путей вело к заметному ухудшению показателей пригодности модели; во-вторых, ни одна из моделей, в которых предполагалось влияние ценностей на систему смысловых диспозиций (а не корреляционная связь), не подтвердилась, зато подтвердились модели, включающие влияние ЭО на мотивационные типы ценностей. Т.е. латентная переменная, интегрирующая экологические диспозиции в единую смысловую систему экологической озабоченности, может быть отнесена к уровню мировоззренческой позиции (*жизненных принципов* или *концепции жизни* по В.А.Ядову [10]), которая может стать основой *экологической направленности* личности (для того, чтобы говорить о самой направленности, должна быть готовность не только к определенному способу *осмысления* ситуации, но и готовность к проэкологическим *действиям*).

В кластере «Д» экологические диспозиции образуют систему (рис.2), смысловым центром которой является слабое противостояние биосферного и «денежного» беспокойства (связь значима при $p < .1$). За такой оппозицией стоит ценность власти, усиливающая финансовый прагматизм в экологической сфере

и ослабляющая биоцентрическую оценку ситуации (это следует из результатов корреляционного анализа и подтвердилось путевым анализом). Проверка регрессионной модели (в качестве регрессоров рассматривались смысловые диспозиции и мотивационные типы ценностей) показала, что личная актуальность экологических проблем в этой группе не связана с биосферным беспокойством, зато зависит от ценностей универсализма, т.е. осмысление глобальных экологических угроз как актуальных обусловлено здесь альтруистическими побуждениями.

Рисунок 2. Модель осмысления глобальных экологических изменений в группе «Д-1» (связи значимы при $p < .1$, кроме * - $p < .01$, ** - $p < .001$). $\chi^2/df=4,5/10$; $p=.89$; RMSEA 0; GFI .99.

В модель для кластера «Д» не вошла диспозиция «Возмездие», не имеющая значимых корреляций ни с другими смысловыми диспозициями, ни с ценностями. Обратим внимание на связку «биосферное беспокойство» - «экологическая интернальность» - «технологический оптимизм», из которой следует, что представления об уроне, наносимом живой природе в результате человеческой экспансии, если и способствуют в группе «Д» признанию экоразрушительной роли промышленной цивилизации, то в конечном итоге нейтрализуются представлениями о том, что экологические проблемы могут быть решены за счет денежных инвестиций и технологических достижений. Иначе говоря, биосферное беспокойство в этой группе трансформируется в смыслы экопреобразования, и тем самым – в смыслы экологической экспансии.

Таким образом, в каждой из двух групп прослеживается свой смысловой паттерн, своего рода смысловой гештальт, поэтому специфика отношения к проблеме глобальных экологических изменений раскрывается не только через выраженность соответствующих смысловых диспозиций, но и через их взаимосвязь. Подобный смысловой паттерн и может быть охарактеризован как *момент динамической определенности* (Д.Н.Узнадзе) смысловой активности субъекта

или, другими словами, как актуальная установка (в нашем случае – установка на ситуацию исследования представлений о глобальных экологических изменениях). Вместе с тем, такой паттерн есть отражение динамической смысловой системы, обеспечивающей на когнитивном и аффективном уровнях согласованность смысловых диспозиций, являющихся функциональным аналогом фиксированных установок.

В какой мере выявленные смысловые паттерны могут быть использованы для описания динамики индивидуальных смыслов, для понимания мировосприятия отдельных индивидов, учитывая, что они отражают некую абстрактную общность смысловой динамики в рамках изучаемой группы? Конечно, в отношении каждого отдельного субъекта мы можем говорить только об общих тенденциях, о наиболее вероятных смысловых связках и взаимопереходах. Вслед за А. Е. Шерозия и Д. А. Леонтьевым мы можем прибегнуть к аналогии с принципом дополнительности Бора, согласно которому исследователь может определить либо местоположение элементарной частицы, либо ее импульс (скорость), но не то и другое одновременно. В нашем случае можно говорить с достаточной точностью либо о зафиксированном на момент исследования отношении конкретного субъекта к экологической проблематике, либо об общих закономерностях, объясняющих изменчивость показателей такого отношения в пределах определенной социальной общности.

Перспективой дальнейших исследований в обозначенном направлении является более глубокое изучение взаимосвязи системы смысловых диспозиций с личностными ценностями.

Выводы. Вопрос о роли установки в регуляции поведения решается в зависимости от понимания онтологического статуса установки. Рассмотрение установки в качестве специфической реальности, не сводимой к сфере ни психического, ни физического, снимает проблему регуляции поведения как таковую, поскольку сама поведенческая активность в таком случае представляет содержание установки как взаимосвязи субъекта и актуальной ситуации. Напротив, отнесение установки к психологическим феноменам приводит к выявлению ее

смыслового содержания и определению установки в качестве формы выражения / существования субъективных смыслов. С другой стороны, при анализе смысловой динамики возникает необходимость в категории установки как механизме смысловой регуляции субъектной активности, т.е. категория установки выступает в качестве формы, в которой субъективный смысл репрезентируется исследователю. При этом смысловое содержание отдельного установочного компонента смысловой сферы может быть раскрыто только в системе его отношений с другими смысловыми образованиями, релевантными исследуемой проблеме.

Литература

1. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 150 с.
3. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности / Б. С. Братусь // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1981. – №2. – С. 46-56.
4. Выготский Л.С. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с. – (Собрание сочинений: В 6-ти т. / Под ред. В.В. Давыдова; т.2).
5. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: в 2-х Т.П. / А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1986. – С. 189-227
6. Кряж И. В. Структурная модель обыденных представлений о проблеме экологической безопасности / Кряж И. В. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: «Психологія». – 2010. – №902. – Вип.43. – С. 126-137
7. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т.П. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
9. Митина О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений / О. В. Митина // Экспериментальная психология. – 2008. – № 1. – С.131-148
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова – М.: Наука, 1979. – 264 с.
11. Сарджвеладзе Н. И. Бессознательное и понятие установки в концепции Д. Н. Узнадзе / Н. И. Сарджвеладзе // Вопросы психологии. – 1985. – №4. – С. 114-120

12. Столин В.В. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании / В.В. Столин, М.Кальвиньо // Вестник Моск. ун-та. – Серия 14. Психология. – 1982. – №3. – С. 38-47.
13. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Д. Н. Узнадзе / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
14. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Дмитрий Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
15. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологической установки / Д. Н. Узнадзе. – Тбилиси: Издательство АН Гр.ССР, 1961. [Электронный ресурс] <http://ethnopsychology.narod.ru/libr/U/uznadze2.htm>
16. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 158 с.
17. Dunlap R.E. Environmental concern: conceptual and measurement issues / Riley E. Dunlap, Robert E. Jones // Handbook of environmental sociology / Ed. by R. E. Dunlap and W. Michelson. – Westport, CT: Greenwood Press, 2002. – P. 482-524

© Кряж И. В.

Кряж І. В. Категорія установки у поясненні смислової регуляції життєдіяльності особистості.

Анотація. Теоретичний аналіз показує, що питання про роль установки в регуляції поведінки вирішується залежно від розуміння онтологічного статусу установки. При вивченні смислової динаміки категорія установки виступає у якості форми, у котрій суб'єктивний смисл репрезентується досліднику. На прикладі ставлення до проблемі глобальних екологічних змін досліджується динамічна організація сталих компонентів смислової сфери особистості, що включені у смислову регуляцію життєдіяльності.

Ключові слова. Установка, динамічна смислова система, смисловий патерн, смислова регуляція, моделювання структурними рівняннями.

Kryazh I. V. Attitude category in an explanation of meaning regulation of personal activity

Annotation. The theoretical analysis shows, that the question on an attitude role in regulation of behaviour dares depending on understanding of the ontological status of attitude. At studying of meaning dynamics the category of attitude acts as the form in which the subjective sense is represented to the researcher. On an example of environmental concern the dynamic organization of steady components of meaning sphere the persons included in meaning regulation of activity is investigated.

Keywords. Attitude, dynamic meaning system, a meaning pattern, meaning regulation, struc-

tural equation modeling